

«БЕЗ ОЛЕНЕЙ ОНИ НЕ МОГУТ»

Полукочевой образ жизни у коренных обитателей нашего края сложился еще в глубокой древности.

На протяжении многих столетий, приспособливаясь к природной среде, саамы совершенствовали уклад своего бытия. Досконально изучили пути передвижения рыбы и зверя, влияние погодных условий на промысловую обстановку и выработали самый для себя рациональный цикл чередования хозяйственных занятий. Не любовь к бродяжничеству, а суровая жизненная необходимость заставляла их менять места обитания. С возникновением же оленеводства эта потребность усилилась еще более.

В XII—XIII веках Кольский полуостров вошел в состав новгородских владений, в XV стал частью Российского государства. Обитавшие здесь лопари платили своим властителям дань мехами или деньгами, несли «ямскую гоньбу» — перевозили на оленах почту и служилых людей. Никто в эпоху феодализма не пытался менять их полукочевой образ жизни. И только когда в России наступил период преобразований, после падения крепостного права, возникла мысль сделать хозяйство саамов более производительным. Либерально настроенные деятели считали, что оседлость позволит поднять доходность саамских ремесел, открыть школы и медицинские пункты, приобщить народ к цивилизации.

В 1865 году один из доброжелателей и защитников саамов Г. Терентьев, член Архангельского губернского статистического комитета, подал записку, в которой указывал на бедственное положение лопарей, «происходящее от их совершенно кабальных отношений к кольским монополистам», и предлагал ликвидировать зависимость от торговцев.

Проведенное расследование подтвердило справедливость его слов: опутанные долгами лопари вынуждены были отдавать свою продукцию кредиторам за ничтожную цену. Местные власти также отмечали, что, владея богатыми рыбными ловлями и отличными сенокосными лугами, они могли бы жить безбедно, если бы не зависели от эксплуататоров-торговцев, завели себе моточный скот, огороды и отказались от кочевий.

Архангельский губерна-

тор счел идею разумной и обратился к министру внутренних дел с ходатайством о поощрении лопарей, желающих перейти на оседлость. Он просил выдать им от казны «на каждое семейство по одной корове и по три овцы и на каждые пять семейства по одному быку, дать также денежное пособие в 15 и до 25 рублей на семейство и позволить беспошлинный отпуск леса на постройку домов и на другие хозяйственные заведения».

По предписанию губернатора в саамские погосты отправились местные чиновники, которые вскоре представили требуемые материалы. Всех лопарей на Кольском полуострове оказалось 1849 душ. Оседлажили в трех погостах — Вялозерском, Каменском и Сосновском, да в русском Поне 10 семейств обитали в собственных домах и несколько — «на постое».

Лопари-полукочевники решительно отказались «переменить свой быт», заявив, что оседлость им вредна во всех отношениях: они не могут жить без оленей, которые «требуют непременно кочевого быта», к разведению рогатого скота не привычны, ни одно избранное место не может обеспечить их средствами к существованию, и они, живя оседло, впадут «в бедственное положение и нищету».

Не возымело влияния и обещание денежных пособий. Печенгские и воронинские лопари заявили, что «если бы они считали постоянную оседлость для себя выгодною и не вредною для здоровья, то они имеют достаточно средств, чтобы заселиться без пособия правительства».

Дали согласие перейти к оседлости только нотозерские и кильдинские саамы, но сделали это «из страха, так как они наслышались, что правительство хочет продать их уголья норвежцам».

В 1868 году правительство приняло закон о льготах и привилегиях колонистам Мурманского берега с тем, чтобы прочнее закрепить его за Россией. Поселенцам предоставлялись денежные пособия, освобождение от налогов и воинской повинности, беспошлинная торговля и промысловая деятельность. Теперь вопрос об оседлости саамов стал рассматриваться в русле колонизации края. Было от-

дано распоряжение склонить их к жизни в постоянных селениях на Мурманском побережье.

Как отреагировали лопари на этот раз?

Мировой посредник, побывав в погостах средней Лапландии, сообщал: «Все мои представления, что поселением на Мурманском берегу и промыслом в море они больше будут иметь выгод, чем в настоящее время в тундрах обширной Лапландии, все мои упреки, что если пришлые поселенцы в два—три года превзойдут их и в хозяйстве, и в степени промысла, а затем и в материальном быте, то им будет стыдно, что веки живя у богатого места, они не умели им пользоваться, но ничто не успело привлечь хотя бы два десятка лопарей к поселению на Мурманском берегу».

Жители Ловозерского погоста пошли на некоторый компромисс. Они заявляли, что обязываются «вместо нынешних наших тут построить домики, обзавестись по возможности каждого хозяйством, словом, отказываемся от прежней нашей кочевой жизни, но просим от казны пособия примерно на каждое хозяйство по 25 рублей на покупку хотя бы по одной корове и одной овце».

Правительство разрешило выдачу пособий лопарям, включив исчисленную сумму (2440 рублей) в счет десяти тысяч рублей, ассигнованных переселенцам-колонистам Мурманского берега. Иными словами, пособие могли получить только те лопарские семьи, которые навсегда покидали свои погосты и зачислялись в разряд «колонистов». Таких нашлось очень немного. В 1894 году в колониях Мурмана проживало лишь 74 лопаря.

Попытка изменить уклад жизни саамов и сделать их оседлыми жителями успеха не имела. В душе лопаря с детства горела любовь к оленям, которые кормили и одевали, возили и радовали жителя тундры, и никакая сила не могла вдруг обратить его в помора-мурманщика.

Проблема, над которой безуспешно бились царские чиновники, естественно разрешилась в годы Советской власти. Государство взяло на себя всю заботу о малых народностях Севера, представило им широкий выбор возможностей устройства своей жизни. Появились специальности и специалисты, которых тундра никогда не знала. И все-таки олень, как было завещано предками, по-прежнему остается главной заботой саама.

И. УШАКОВ.
Краевед.